

Дайджест по корпоративному праву и M&A

10–31 ОКТЯБРЯ 2025 ГОДА

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

1. **Размер действительной стоимости доли, подлежащий выплате участнику при выходе из общества, может быть увеличен на основании решения общего собрания участников общества и соглашения вышедшего участника с обществом**

Истец (вышедший из общества участник) обратился в суд с требованием к ответчику (обществу) о взыскании задолженности по выплате действительной стоимости доли в уставном капитале общества, причитающейся истцу в результате его выхода из общества, в размере 6 898 000 руб., а также неустойки и процентов за пользование чужими денежными средствами.

Фактические обстоятельства дела были следующими:

- До выхода в обществе было два участника (включая истца), каждому из которых принадлежала доля в размере 50% от общего размера уставного капитала общества.

- 28 сентября 2021 г. общее собрание участников общества приняло решение, в соответствии с которым размер действительной стоимости доли, подлежащий выплате в пользу истца после выхода из общества, составит 8 000 000 руб. В решении также было отмечено, что установленный размер является разумным, обоснованным и изменению не подлежит, а решение было удостоверено нотариально.
- 1 октября 2021 г. у нотариуса было удостоверено заявление истца о выходе из общества. 8 октября 2021 г. в ЕГРЮЛ был зарегистрирован выход истца из общества.
- 12 октября 2021 г. между истцом и обществом было заключено соглашение о порядке выплаты действительной стоимости доли в уставном капитале общества, фактически повторяющее положения, принятые в рамках решения общего собрания участников.
- Впоследствии общество выплатило истцу только сумму в размере 1 102 000 руб.

Суд первой инстанции удовлетворил требования истца, указав на диспозитивную природу пункта 6.1 статьи 23 Закона об ООО¹, а также на принцип свободы договора (пункт 1 статьи 421 ГК РФ)². Суд пришел к выводу, что заключенное между истцом и обществом соглашение не противоречит действующему законодательству и направлено на урегулирование обязательств сторон в полном объеме по расчетам, связанным с выходом истца из состава участников общества. Из соглашения однозначно следует воля сторон на полное прекращение обязательств по выплате действительной стоимости доли, ответчик не заявлял о недействительности соглашения или решения общего собрания участников общества.

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции, удовлетворил требования истца частично, исходя из размера действительной стоимости доли в 2 487 000 руб., рассчитанного привлеченным по ходатайству ответчика экспертом как пропорциональная доле часть стоимости чистых активов общества.

Суд указал, что применимые нормы Закона об ООО (пункт 6.1 статьи 23 Закона об ООО), в соответствии с которым общество обязано выплатить вышедшему из общества участнику действительную стоимость его доли, и пункт 2 статьи 14 Закона об ООО, в соответствии с которым действительная стоимость доли участника общества соответствует части стоимости чистых активов общества, пропорциональной размеру его доли) императивны, а подлежащая выплате участнику действительная стоимость доли не может быть определена произвольно. Законодательно установленный способ расчета призван сохранить баланс активов и пассивов общества и в стандартной ситуации позволить продолжать дальнейшую хозяйственную деятельность после выхода участника общества и выплаты ему действительной стоимости доли. Истец же не представил экономическое обоснование расчета заявленной ко взысканию действительной стоимости доли, хотя имел такую возможность как бывший участник общества, знакомый с данными его бухгалтерской отчетности.

- 1 Определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2020 г. № 308-ЭС20-13739 по делу № А22-3323/2018: положения пункта 6.1 статьи 23 Закона об ООО не содержат запрета на отказ от выплаты действительной стоимости доли либо получение ее в меньшем размере по волеизъявлению самого участника при выходе из общества.
- 2 Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2016 г. № 2075-О: на правоотношения по выплате действительной стоимости доли вышедшему участнику общества распространяются правила статьи 421 ГК РФ о свободе договора.

Суд кассационной инстанции отменил решение суда апелляционной инстанции и оставил в силе решение суда первой инстанции. Суд указал, что в основу регулирования обществ с ограниченной ответственностью и отношений между его участниками положена презумпция диспозитивности³. При отсутствии в норме, регулирующей права и обязанности по договору, явно выраженного запрета установить иное, она является императивной, если исходя из целей законодательного регулирования это необходимо для защиты особо значимых охраняемых законом интересов, недопущения грубого нарушения баланса интересов сторон либо императивность нормы вытекает из существа законодательного регулирования данного вида договора. Без этих условий нельзя придать норме гражданского права императивный характер, поскольку это означает ограничение права на свободу договора⁴. Соответственно, норма пункта 6.1 статьи 23 Закона об ООО не содержит явно выраженного запрета на установление соглашением сторон условия договора, отличного от предусмотренного в ней, и должна рассматриваться как диспозитивная.

Суд отметил, что на момент заключения спорного соглашения об определении размера действительной стоимости доли истца после его выхода из состава общества общество состояло из единственного участника, *«формирующего волю и определяющего интересы общества, которое, по сути, стало [его] «продолжением» (alter ego)»*. Таким образом, спорное соглашение, направленное на урегулирование корпоративных отношений, представляет собой непоименованный договор, к которому подлежат применению нормы о свободе договора.

Кроме того, суд кассационной инстанции обратил внимание на то, что обязанность по определению действительной стоимости доли участника общества нормами Закона об ООО возложена на само общество. В рассматриваемом деле размер доли определен обществом в рамках решения общего собрания участников, о несогласии с таким размером ни общество, ни его участники до момента возникновения спора не заявляли. В связи с этим суд признал поведение оставшегося участника непоследовательным и непредсказуемым и применил против него принцип эстоппель.

Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа см. [здесь](#)

Комментарий ККМП:

i. Дело ООО «Эль-Арт»

Ранее мы [анализировали](#) схожее по фактическим обстоятельствам дело ООО «Эль-Арт»⁵. В рамках данного дела между вышедшими участниками и обществом было заключено соглашение об урегулировании корпоративных отношений и договоры об определении действительной стоимости долей. В результате выхода истцы (вышедшие участники) получили действительную стоимость долей в виде имущества пропорционально своим долям, однако не получили компенсацию, предусмотренную соглашением, в связи с чем обратились в суд. Суд кассационной инстанции также встал на сторону истцов.

3 Определение Конституционного Суда РФ от 3 июля 2014 г. № 1564-О, Определение Конституционного Суда РФ от 24 октября 2019 г. № 2852-О, пункт 15 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25 ноября 2020 г.).

4 Пункты 2 и 3 Постановления Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах».

5 Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24 мая 2024 г. № Ф09-1364/24 по делу № А76-23209/2022

Однако, если в деле ООО «Эль-Арт» суд подтвердил допустимость выплаты выходящим участникам некой компенсации сверх размера действительной стоимости доли в рамках заключенного соглашения, фактически направленного на разделение бизнеса, в рассматриваемом деле была подтверждена допустимость установления иного размера самой действительной стоимости доли.

ii. Диспозитивность и экономические интересы общества и его участников

Заслуживает внимания аргумент суда апелляционной инстанции о том, что законодательно установленный порядок определения размера действительной стоимости доли направлен на сохранение экономической стабильности общества после выхода из него участника.

В рассмотренном случае решение об определении повышенного размера действительной стоимости доли было принято единогласно всеми участниками общества, соответственно, можно исходить из того, что воля общества на уменьшение ликвидности общества в результате осуществления выплаты истцу была единой и сформированной.

В то же время вопрос об определении размера действительной стоимости доли не отнесен законом к компетенции общего собрания участников общества. Как следствие – не установлен и какой-либо специальный порядок принятия общим собранием решения по нему.

Возникают вопросы:

- Всегда ли принятие такого решения требует единогласия всех участников?
- Возможно ли установление иного размера действительной стоимости доли исключительно в рамках соглашения между обществом и выходящим участником, т.е. без принятия решения общего собрания участников?
- Применимы ли к такому соглашению правила о сделках, в совершении которых имеется заинтересованность?

Пожалуй, на эти вопросы судам еще только предстоит ответить в последующих делах, учитывая, с одной стороны, принципы диспозитивности и свободы договора, а с другой, необходимость соблюдения баланса интересов выходящего участника, общества и остающихся участников.

2. Размер действительной стоимости доли может быть определен на основании данных промежуточной бухгалтерской отчетности

Истец (вышедший из общества участник) обратился в суд с требованием к ответчику (обществу) о взыскании задолженности по выплате действительной стоимости доли, причитающейся истцу в результате его выхода из общества, в размере 12 937 500 руб., а также процентов за пользование чужими денежными средствами.

До выхода из общества истцу принадлежала доля в размере 50% уставного капитала общества. Истец вышел из общества в ноябре 2021 г. Согласно данным бухгалтерского баланса на 31 декабря 2020 г., стоимость чистых активов общества составила 40 075 000 руб., соответственно, по мнению истца, причитающаяся ему при выходе из общества действительная стоимость доли не может быть менее 20 037 500 руб.

Общество произвело контррасчет действительной стоимости доли исходя не из годовой, а из промежуточной отчетности по состоянию на 30 сентября 2021 г., согласно которой стоимость чистых активов составляла 27 434 000 руб., а размер доли истца – 13 717 000 руб. Ответчик утверждал, что промежуточная отчетность составляется в соответствии с утвержденной в обществе учетной политикой от 29 декабря 2017 г.

Суд первой инстанции удовлетворил требования истца, указав, что учетная политика общества была принята до вступления в силу изменений в законодательство, упраздняющих обязанность по составлению промежуточной отчетности⁶, а после указанного изменения в законодательстве общество не подтвердило свое решение составлять промежуточную отчетность. Кроме того, обществом не представлено доказательств того, что истцу предоставлялись данные промежуточной отчетности. На основании этого суд пришел к выводу, что размер действительной стоимости доли истца должен быть произведен на основании данных годовой отчетности общества.

Суд апелляционной инстанции оставил решение суда первой инстанции без изменения, апелляционную жалобу – без удовлетворения. Суд указал, что законом допускается возможность определения действительной стоимости доли вышедшего из общества участника на основании данных промежуточной бухгалтерской отчетности, если ее составление является обязательным для общества и данные промежуточной отчетности являются последними в календарном периоде, предшествующем дню подачи заявления о выходе из общества⁷. При этом в рассматриваемой ситуации, даже если общество составляет промежуточную отчетность в силу требований по договору с банком, составление такой отчетности не является обязательной для общества, и общество не подтверждало свое решение о составлении промежуточной отчетности после внесения изменений в законодательство.

Суд кассационной инстанции поддержал выводы судов первой и апелляционной инстанций.

ВС РФ вынес определение о передаче кассационной жалобы общества для рассмотрения в судебном заседании СКЭС ВС РФ. ВС РФ обратил внимание на аргумент ответчика о том, что в соответствии с условиями договора банковского счета, общество обязано было составлять и предоставлять в банк промежуточную ежеквартальную бухгалтерскую отчетность, о чем было известно истцу, являющемуся поручителем по данному договору.

При этом у общества отсутствует обязанность предоставлять промежуточную отчетность в налоговый орган (часть 3 статьи 18 Закона N 402-ФЗ). В связи с этим вывод судов о неиспользовании в хозяйственной деятельности общества промежуточной отчетности ввиду ее непредставления в налоговый орган является неправомерным.

СКЭС ВС РФ отменила акты нижестоящих судов и направила дела на новое рассмотрение. На момент публикации дайджеста опубликована только резолютивная часть определения СКЭС ВС РФ.

Определение Верховного Суда Российской Федерации см. [здесь](#)

6 С 7 мая 2018 г. составление промежуточной отчетности перестало быть обязательным для всех организаций на основании Приказа Минфина России от 11 апреля 2018 г. № 74н.

7 Например, Определение Верховного Суда РФ от 19 мая 2020 г. № 307-ЭС20-6551 по делу № А56-13910/2019, Определение Верховного Суда РФ от 25 августа 2020 г. № 305-ЭС20-11363 по делу № А41-51885/2019.

i. Дело ООО «Объединенный Инжиниринговый Центр»

Ранее мы [анализировали](#) дело ООО «Объединенный Инжиниринговый Центр»⁸, в котором ВС РФ пришел к выводу, что если в бухгалтерской отчетности обнаружены ошибки, существенно влияющие на величину чистых активов, то последующие корректировки в отчетность, сдаваемую за новые периоды, не могут игнорироваться судом при рассмотрении спора о выплате действительной стоимости доли, поскольку иначе стоимость доли определялась бы на основании недостоверной информации.

В настоящем же деле возник вопрос о том, какую отчетность необходимо использовать при определении действительной стоимости доли.

ii. Учет промежуточной отчетности при определении размера действительной стоимости доли

В рассмотренном деле суды нижестоящих инстанций ссылались на формальные критерии, фактически заключив, что, если бухгалтерская отчетность не была представлена в ИФНС, ее существование не имеет значения.

На наш взгляд, такой подход вряд ли можно считать обоснованным. Так, промежуточная отчетность позволяет определить стоимость чистых активов на более актуальную дату и, соответственно, выплатить участнику действительную стоимость доли общества, справедливо отражающую текущее финансовое состояние общества. В данном деле этот вопрос стоял особенно остро, поскольку речь шла о периоде в три квартала, за который стоимость чистых активов общества существенно снизилась.

Кроме того, промежуточная бухгалтерская отчетность может составляться обществом добровольно, что не умаляет ее значения как бухгалтерского документа, в том числе для целей определения размера действительной стоимости доли общества. При этом важно учитывать, что в данном деле общество регулярно составляло такую отчетность, руководствуясь своей учетной политикой.

3. При расчете действительной стоимости доли, подлежащей выплате вышедшему из общества участнику, должны учитываться в том числе обязательства общества, а при определении рыночной стоимости активов общества суд не ограничен данными бухгалтерского учета.

Истец (вышедший из общества участник) обратился в суд с требованием к ответчику (обществу) о взыскании действительной стоимости доли в связи с выходом из общества. До выхода из общества истец владел долей в уставном капитале общества размером 10%.

По результатам экспертизы, проведенной по ходатайству истца, была определена действительная стоимость доли с учетом рыночной стоимости принадлежащего обществу нежилого помещения.

Суд первой инстанции удовлетворил требование истца. Согласно решению, принятому судом в рамках другого производства, сделка по продаже обществом нежилого помещения признана недействительной с применением последствий недействительности. Следовательно, для определения размера действительной стоимости доли, подлежащей выплате истцу, необходимо учитывать рыночную стоимость помещения.

Суд апелляционной инстанции оставил решение суда первой инстанции без изменения.

Суд кассационной инстанции отменил акты нижестоящих судов и направил дело на новое рассмотрение. Суд указал, что в соответствии с Приказом Минфина России от 28 августа 2014 г. № 84н «Об утверждении Порядка определения стоимости чистых активов», стоимость чистых активов определяется как разность между величиной принимаемых к расчету активов организации и величиной принимаемых к расчету обязательств организации. Активы и обязательства принимаются к расчету по стоимости, подлежащей отражению в бухгалтерском балансе организации (в нетто-оценке за вычетом регулирующих величин) исходя из правил оценки соответствующих статей бухгалтерского баланса. При этом суд не ограничен в круге доказательств, определяющих рыночную стоимость активов, только данными бухгалтерского учета.

Судами нижестоящих инстанций не было учтено, что решением суда о применении последствий недействительности договора купли-продажи нежилого имущества, помимо обязательств покупателя по возврату объекта недвижимости обществу, установлены обязательства общества по возврату покупателю недвижимого имущества уплаченных денежных средств, а также восстановлены права требования покупателя по договорам займа и уступки требования. Данные обстоятельства не были учтены экспертом при расчете действительной стоимости доли, подлежащей выплате вышедшему из общества участнику.

Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа см. [здесь](#)

Комментарий ККМП:

В данном деле не представляется возможным с точностью определить, по какой причине эксперт при определении размера действительной стоимости доли учел стоимость подлежащего возврату обществу объекта недвижимого имущества, но не учел обязательство общества по возврату покупателю покупной цены.

Так или иначе, приведенное дело в очередной раз подчеркивает, что при определении действительной стоимости доли суд не ограничен данными бухгалтерской отчетности или расчетом эксперта, а может оценить активы и обязательства общества с использованием иных относящихся к делу доказательств.

В этой связи напомним, что судебной практикой уже давно сформирована позиция, согласно которой действительная стоимость доли в уставном капитале общества при выходе его участника определяется с учетом рыночной стоимости движимого и недвижимого имущества, отраженного на балансе общества и имеющегося у последнего⁹.

⁹ См., например, постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 6 сентября 2005 г. № 5261/05 и от 17 апреля 2012 г. № 16191/11.

4. Увеличение уставного капитала за счет вклада третьего лица в период бракоразводного процесса участника общества может быть признано злоупотреблением правом

Истец (бывшая супруга) обратился с иском к ответчику (бывшему супругу) с требованием о признании ничтожной сделки по принятию в состав общества третьего лица (отца ответчика) и применении последствий ничтожности сделки. Исковые требования мотивированы, в частности, тем, что спорная сделка по принятию в состав участников общества третьего лица является притворной, поскольку прикрывает фактическую сделку по отчуждению доли в уставном капитале в пользу третьего лица с целью уменьшения доли, причитающейся истцу при разделе совместно нажитого имущества.

Ответчик являлся единственным участником общества, доля в уставном капитале общества была приобретена в период брака. В мае 2020 года ответчик принял решение об увеличении уставного капитала за счет вклада третьего лица – своего отца. В результате размер доли ответчика в уставном капитале ООО уменьшился до 10% от уставного капитала, а отец ответчика получил долю в размере 90%.

Сделка была совершена без согласия супруги и, как утверждает супруга, в период нестабильности их с ответчиком брачных отношений, о чем свидетельствует тот факт, что в марте 2020 года ответчик подал в мировой суд исковое заявление о расторжении брака с супругой. В феврале 2021 года брак между истцом и ответчиком был расторгнут. При этом вопрос о разделе имущества при расторжении брака судом не рассматривался и решение по нему не принималось.

Суд первой инстанции не согласился с доводом истца о необходимости в данном случае нотариального согласия супруги, поскольку решением единственного участника ООО оформлено распределение между участниками общества доли, возникшей вследствие увеличения уставного капитала. Притворность сделки в данном случае суд также не усмотрел, добавив, что из материалов дела следует обусловленность увеличения уставного капитала экономическими целями.

По заявлению ответчика суд также установил истечение годичного срока исковой давности при подаче иска, квалифицировав сделку как оспоримую, и отказал в иске.

Суд апелляционной инстанции поддержал все выводы, сделанные судом первой инстанции.

Суд кассационной инстанции направил дело на новое рассмотрение, указав на формальный подход судов при вынесении решения. По мнению суда, выводы были сделаны без учета требований закона и оценки ряда обстоятельств, имеющих существенное значение для правильного разрешения спора.

Суд кассационной инстанции согласился с нижестоящими инстанциями в том, что сделка по увеличению уставного капитала общества не требовала нотариального согласия супруги. Однако суды в достаточной мере не исследовали обстоятельства, которые могут свидетельствовать о недобросовестности поведения ответчика. Суд кассационной инстанции указал, что при новом рассмотрении необходимо исследовать вопрос и дать оценку доводу истца о том, что сделка была совершена в период нестабильности брачных отношений супругов.

Также необходимо установить реальную рыночную стоимость доли ответчика по отношению к встречному предоставлению со стороны отца ответчика и экономическую целесообразность совершения указанной сделки. Суд кассационной инстанции также отметил, что, поскольку истец ссылаясь на ничтожность сделки, применяться должен трехлетний срок исковой давности, который не был пропущен.

Постановление Арбитражного суда Центрального округа см. [здесь](#).

Комментарий ККМП:

i. Согласие на распоряжение общим имуществом

Ранее мы анализировали судебные акты по делу № А56-72377/2024, в рамках которого оспаривалась сделка по увеличению уставного капитала общества путем внесения участниками общества неэквивалентных вкладов по причине отсутствия согласия супруга¹⁰. Напомним, что в том деле суд кассационной инстанции пришел к выводу, что доля в уставном капитале общества, приобретенная в период брака, является совместно нажитым имуществом супругов, а значит, решение об увеличении уставного капитала путем внесения участниками неэквивалентных вкладов может рассматриваться как сделка по распоряжению общим имуществом супругов, требующая согласия супруга.

В рассматриваемом же деле суды всех трех инстанций сделали однозначный вывод об отсутствии необходимости в согласии супруга на сделку, поскольку речь идет об имуществе (доле третьего лица), которое возникает вследствие увеличения уставного капитала, что выходит за пределы понятия общего имущества супругов.

Фактические же обстоятельства двух дел по сути отличаются лишь тем, что в одном случае речь идет о непропорциональном приросте долей, уже имеющих у других участников общества, а в другом – об образовании новой доли, которую вместе со статусом участника общества получает принимаемое в общество третье лицо. Но в обоих случаях эффективно происходит размытие доли супруга-участника в уставном капитале общества. В этом смысле усматривается некая противоречивость правовых позиций судов в данных делах.

В то же время в конечном счете выводы судов совпадают: согласие супруга на такие сделки по увеличению уставного капитала общества может требоваться (либо в силу того, что такая сделка является способом распоряжения общим имуществом супругов сама по себе, либо поскольку такая сделка потенциально притворна и по своей сути это является куплей-продажи части доли супруга).

ii. Срок исковой давности

Суды первой и апелляционной инстанций высказались о недобросовестности поведения истца со ссылкой на п. 2 ст. 10 ГК РФ в связи с тем, что иск был заявлен не сразу после вхождения в состав участников общества третьего лица, а спустя три года после принятия в общество нового участника. Таким образом, по мнению судов, иск направлен не на защиту имущественных интересов истца, нарушение которых не было доказано по делу, а фактически предъявлен в целях исключения третьего лица не предусмотренным законом способом. Суды первой и апелляционной инстанций, основываясь на правилах об оспоримой сделке, применили правило о годичном сроке исковой давности, который в данном случае истек.

¹⁰ Разбор дела № А56-72377/2024 см. [здесь](#).

Суд кассационной инстанции, однако, справедливо отметил, что в исковом заявлении истец ссылался на ничтожность сделки, в связи с чем срок давности составляет три года, который не был пропущен истцом.

В то же время, возникает вопрос: в случае последующего признания сделки по увеличению уставного капитала притворной и применению к ней в силу пункта 2 статьи 170 ГК РФ правил купли-продажи не должен ли к иску супруги об оспаривании такой сделки по причине отсутствия ее согласия все равно применяться годичный срок исковой давности? По всей видимости, на этот вопрос предстоит ответить суду первой инстанции при повторном рассмотрении дела.

Мы будем рады ответить на ваши вопросы по данной тематике

Андрей Липин

Старший юрист

Andrey.Lipin@kkmp.legal

Александра Черных

Юрист

Alexandra.Chernykh@kkmp.legal

Виктория Бигарова

Юрист

Victoria.Bigarova@kkmp.legal